

ГАГАРИН
АНДРЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ,
директор
Политехнического института
(07.01.1900–28.02.1907)

Андрей Григорьевич Гагарин
(22.12.1855–22.12.1920)

Андрей Григорьевич Гагарин родился в Санкт-Петербурге 22 декабря 1855 года (по старому стилю). Его семья принадлежала к старинному роду князей Гагариных, давших своему Отечеству немало военных и государственных деятелей, и он унаследовал от своих родителей природное благородство, высокое чувство чести, творческие способности и трудолюбие. Это был “настоящий” князь, т.е. Рюрикович, его предком был удельный князь Всеволод Большое Гнездо. Дед Андрея Григорьевича долгие годы был представителем России в Ватикане; отец Григорий Григорьевич, известный художник, личный друг Александра II, был вице-президентом Академии художеств; мать София Андреевна, до замужества Дашкова, после окончания Екатерининского института была фрейлиной при дворе императрицы, а позднее статс-дамой при императрице Марии Федоровне. Жена Андрея Григорьевича Мария Дмитриевна принадлежала к роду князей Оболенских, еще ближе Гагариных стоявших к трону (один из ее братьев был начальником кабинета царя, второй – членом Государственного совета, третий – товарищем Министра финансов).

После окончания Петербургской Ларинской гимназии Андрей Григорьевич стал студентом физико-математического факультета Петербургского университета. В 1879 году, на следующий год после окончания университета, А.Г. Гагарин представил к защите свою работу “Удобнейший способ предварительных вычислений солнечных затмений и подобных явлений с предвычислением полного затмения 1887 г.”, которая принесла ему большую серебряную медаль и ученую степень кандидата наук. Затем началась его длительная военная служба. Вначале это были конно-артиллерийские части, затем, с 1881 года, обучение в Михайловской артиллерийской академии, после окончания которой в 1884 году А.Г. Гагарин по заданию правительства с целью ознакомления с новинками инженерного дела объездил все металлургические и машинные заводы Англии, Франции и Штирии (до 1920 года одна из земель Австрии). После возвращения служил в гвардейской конно-артиллерийской бригаде, а затем в артиллерийском управлении.

Еще в студенческие годы Андрей Григорьевич увлекся механикой. На 3-м курсе университета он совершил путешествие в Северную Америку, где изучал металлургию. Из этой поездки он

привез токарный станок и устроил в своей квартире маленькую мастерскую, где в свободное время работал над изобретением паровой машины. Об этом периоде своей жизни он писал матери, что долго будет помнить это время сознательного счастья. Будучи слушателем академии, А.Г. Гагарин опубликовал статью и две брошюры: “О некоторых сочленениях” и “Круговая линейка кн. Гагарина”. В “Артиллерийском журнале” была напечатана и его работа, посвященная вопросу о наивыгоднейшей нарезке орудий.

В конце 1884 года Андрей Григорьевич был переведен в Петербургский арсенал помощником начальника деревообрабатывающих мастерских оружейного цеха. Но вскоре семейные обстоятельства потребовали его присутствия в Москве. Взяв 11-месячный отпуск, он занялся совершенно новой для него работой: реконструкцией, а фактически постройкой, семейного дома на Кузнецком мосту. Андрей Григорьевич проводил целые дни на строительстве, вникая во все мелочи, и приобрел опыт, который ему еще не раз пригодился.

После возвращения из отпуска А.Г. Гагарин спроектировал и построил ленточную пилу, висячую поперечную пилу и дрово-пильный станок, после чего получил новое назначение — ему поручили устроить в Арсенале механическую мастерскую и заведовать ею. На этой должности ему пришлось заниматься проектированием и сооружением механической лаборатории, работой, которая оказалась “очень полезной в дальнейшем при создании лаборатории сопротивления материалов в Политехническом институте” [1]. Кроме того, А.Г. Гагарину поручили заведовать ремонтом Арсенала, и здесь впервые нашел применение его опыт в строительстве.

К этому времени Андрей Григорьевич был уже женат и его семья увеличилась.

В годы работы в Арсенале особенно ярко проявились его изобретательские наклонности. Он изобрел и сконструировал для разрывной машины Мора и Федергадра электрическое приспособление для автоматического уравнивания усилий. Первый прибор он изготовил собственноручно на своем токарном станке, и позднее эти приборы нашли применение во всех русских арсеналах, оружейных заводах Тулы, Сестрорецка, Ижевска, на Санкт-Петербургском патронном заводе. Тогда же он построил диаграммный прибор для крутильной машины в Риге.

Здесь же он начал работу над крешерным прессом, который впоследствии получил название “пресса Гагарина”. Этот интереснейший прибор для испытания твердости материалов вызвал

большой интерес в кругах специалистов, и благодаря ему имя князя Гагарина стало известно в отечественных и иностранных научных кругах. “Пресс Гагарина” получил широкое распространение и стал неизменной частью оборудования всех лабораторий для испытания механических свойств материалов. Над усовершенствованием своего прессы князь Гагарин работал еще много лет. На Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде в 1896 году и в Чикаго в 1906 году он был награжден за него золотыми медалями. “Прессы Гагарина” до сих пор считаются одними из лучших машин для механического испытания материалов и используются во время практических занятий в вузах. В СПбГПУ их два – в Механическом и Химическом корпусах.

К концу 90-х годов XIX века А.Г. Гагарин был уже одним из лучших в России специалистов по артиллерийской части. Его имя, кроме крешерного прессы, носит и другое его изобретение – круговая линейка с нониусом и таблицей, дающая дуги радиусов и радиусы дуг больших кругов, так называемая “круговая линейка Гагарина”. В 1900 году на Всемирной выставке в Париже она так же была удостоена золотой медали.

Наряду с изобретательским талантом, у А.Г. Гагарина был большой практический опыт. Он приобрел его на военной службе, за время работы в Арсенале, во время поездок и командировок за границу, и в том числе пребывания в составе русской делегации во французском городке Шательро, на оружейном заводе которого русским правительством были заказаны 500 тысяч магазинных винтовок Мосина. Делегация состояла из четырех человек, Андрей Григорьевич заведовал приемкой материалов. В Шательро А.Г. Гагарин составил иллюстрированный словарь частей ружей и издал таблицу перевода русских линейных мер во французские и наоборот, тотчас же, кстати, раскупленную. “Вообще А.Г. старался как можно выше держать перед французами знамя русской науки и искусства” [2], в частности сам он на музыкальных вечерах играл на корнете, знакомя присутствующих с русской музыкой. Командировка длилась четыре года и немало способствовала укреплению франко-русской дружбы, о чем свидетельствует широкое празднование в 1995 году в Шательро 100-летнего юбилея русской миссии.

По возвращении из Франции Андрей Григорьевич был назначен помощником начальника Орудийного завода в Петербурге и стал непосредственно соприкасаться с вопросами перевооружения. Его возмущала тенденция артиллерийского ведомства к передаче своих заказов частным заводам в ущерб казенным, и он

немало поспособствовал значительному расширению Орудийного завода, объем производства которого возрос при этом в семь раз. Побочным результатом деятельности Андрея Григорьевича на страже интересов государства стало то, что одна из его записок о необходимости регулирования цен на оружие попала на глаза министру финансов. С.Ю. Витте отметил несомненный талант и увлеченность автора работой и обратил на него самое пристальное внимание.

К этому времени вопрос об учреждении в столице Политехнического института был уже решен. Петербургский политехнический институт должен был стать совершенно новым для России высшим учебным заведением типа технического университета. Однако сама идея организации подобного института вызвала множество возражений со стороны министра внутренних дел и Министерства народного просвещения. С одной стороны, были велики опасения, что новая высшая школа станет очередным антиправительственным центром, а с другой — было очевидно, что при организации института на основаниях, отличных от тех, которые существовали в высших технических школах Министерства народного просвещения, новый Политехникум станет предметом повышенного внимания и нападков как полицейских, так и учебных властей.

В этих условиях вопрос выбора кандидатуры на пост директора Петербургского политехнического института, вставший перед министром финансов С.Ю. Витте, в ведении которого находился Политехнический институт, оказался чрезвычайно трудным. Вопрос этот осложнялся тем, что необходимо было назначить человека, который не возбуждал бы в высших сферах каких-либо сомнений и в то же время обладал бы достаточным научным авторитетом, чтобы не оказаться в ложном положении перед профессорами и студентами института.

В результате поисков подходящей кандидатуры выбор пал на А.Г. Гагарина, поскольку его научный и технический стаж был более чем достаточен: он имел большой авторитет в научно-технических кругах, его происхождение и связи не вызывали сомнений в благонадежности и, кроме того, это был “человек идеальной чистоты” [3]. «На вопрос одного из уже назначенных деканов, — вспоминал В.Б. Ельяшевич, один из первых профессоров экономического отделения, — чем объясняется столь странный выбор, Витте ответил: “Это будет для вас самый подходящий человек. Вы будете абсолютно свободны, а связи у него громадные; когда понадобится, он будет вам ими служить”» [4].

Сохранился приказ по Департаменту торговли и мануфактур о назначении князя Гагарина директором Санкт-Петербургского политехнического института от 7 января 1900 г., подписанный статс-секретарем С.Ю. Витте:

”... Ввиду того, что строительные работы должны быть для успеха дела ведены под руководством лица, вполне сведущего в потребностях учреждаемого учебного заведения, я полагал бы необходимым теперь же назначить директора помянутого института. Таковое назначение представлялось бы весьма желательным еще в силу следующих соображений. Учреждаемый политехнический институт по своему составу будет значительно разниться от уже имеющихся высших технических учебных заведений, так что потребуются непосредственное участие директора в выработке положения о сем институте, затем, по новизне дела, разработка постановки преподавания, подыскание и подготовка профессорского персонала возьмут значительно более времени, чем в других Политехнических институтах. При этих условиях заблаговременное назначение директора является необходимым для своевременного и успешного разрешения трудной задачи организовать и поставить высшее техническое учебное заведение, совершенно новое и своеобразное.

Озабочиваясь подысканием соответственного кандидата, я остановил свой выбор на капитане гвардейской пешей артиллерии князе Гагарине, окончившем курс Санкт-Петербургского университета кандидатом математики с серебряной медалью и курс Михайловской артиллерийской академии по 1-му разряду и ныне состоящем исправляющим должность помощника начальника Санкт-Петербургского оружейного завода.

При переводе князя Гагарина из военной службы в гражданскую... переименовать капитана князя Гагарина при его назначении в чин статского советника, со старшинством со дня назначения... с присвоением ему IV класса по должности, права на пенсию по учебной службе...” [5].

Высочайшее соизволение последовало 7 января 1900 года, и Андрей Григорьевич с присущим ему азартом и рвением окунулся в новую работу, мечтая создать из Петербургского политехнического института единственное в своем роде и лучшее в России высшее техническое учебное заведение.

18 января 1900 года А.Г. Гагарин был назначен председателем Особой строительной комиссии. В сфере его деятельности было сооружение всего учебного городка, который строился по типу закрытых учебных заведений Запада, т. е. всех учебных и жилых

корпусов, электростанции, водопровода, канализации и т. п. и их оборудования. Чтобы обустроить институт как можно лучше и современнее, А.Г. Гагарин вместе с главным архитектором Э.Ф. Виррихом был командирован для осмотра 37 вузов Европы, в том числе и строящегося Политехнического института в Варшаве. Эта поездка оказалась очень полезной, так как помогла прояснить ряд вопросов, невольно возникавших при создании нового института.

В отчете А.Г. Гагарина по командировке [6] сравниваются методы преподавания в разных странах. Так, он пишет, что в политехнических институтах Германии преподавание поставлено ближе к условиям современной промышленности. Студенты решают вопросы промышленности.

В последние 20 лет принята полная свобода преподавания:

... В разрешении приват-доцентам читать что им угодно;

... В разрешении студентам слушать кого угодно. Одни только профессора читают определенные основные курсы, остальные преподаватели не стеснены никакими рамками. Там бывшие студенты посвящают себя работе по той отрасли промышленности, к которой чувствуют больше склонности и в которой имеют больше знаний;

... Профессора и преподаватели политехнических институтов имеют связь с преподавателями средней школы и ставят в известность последних о том, как производят учение и какие опросы делают в высшей школе – институте.

Большое внимание уделяется лабораториям. Деканами в Германии избираются высшие люди – выдающиеся.

В Америке профессора сортируют воспитанников института по способностям, умению, ловкости в работе и знаниям. Школы в Америке в большом почете, и окончившим их всегда дается предпочтение. В последнее время многие фирмы предпочитают на ответственные места назначать американцев, а не немцев, считая их более приспособленными к занятию таких должностей.

В Англии публичке, даже детям, дозволено трогать в музеях модели машин, которые сделаны прочно. С 18-летнего возраста дети начинают посещать технические учебные заведения в качестве вольнослушателей. Это дает возможность пополнять знания лицам, не имеющим время учиться в дневную смену. В Лондоне обратили внимание на прекрасные гигиенические приспособления для студентов.

Во Франции химические лаборатории снабжены всеми новейшими усовершенствованиями и необходимыми приспособлениями.

Наиболее ценное из увиденного за границей А.Г. Гагарин использовал при строительстве и оборудовании Политехнического

института. Из журналов Совещаний Особой строительной комиссии видно, что делалось для строительства института. Так, к примеру, на Совещании 22 мая 1901 года рассматривался вопрос об оснащении электрической станции:

“Электрическая станция должна быть оборудована самыми лучшими из существующих машин. Студенты института на станции увидят, что такое хорошие машины, они получают там возможность познакомиться с настоящими образцами хорошей работы, хорошего выполнения, а это чрезвычайно важно для Санкт-Петербургского политехнического института, так как в нем будут готовить инженеров-конструкторов” [7].

А.Г. Гагарин сам входил во все детали строительства, зачастую казавшиеся современникам мелочными. Он вложил в создание института все свои силы, всю присущую ему энергию и знания, всю свою душу. По воспоминаниям профессора М.А. Шателена, об этом периоде деятельности Гагарина слагались легенды, в особенности о его методах борьбы со всякими злоупотреблениями.

Одновременно с решением вопросов, связанных со строительством, А.Г. Гагарин занимался организацией учебного процесса. К моменту его назначения структура института была уже определена и в общих чертах разработан учебный план, который в отличие от других существовавших тогда вузовских учебных планов был рассчитан на четыре года вместо трех. В комиссию по составлению учебных планов под председательством Н.П. Петрова вошли А.С. Попов, Д.И. Менделеев, А.Н. Крылов, Д.К. Чернов, В.Л. Кирпичев и другие выдающиеся ученые России. А.Г. Гагарину предстояло также выбрать деканов и профессорско-преподавательский состав, осуществить детальную проработку учебной программы, учебных планов, организацию и оборудование лабораторий. Успешность этой деятельности во многом была предопределена тем, что Андрей Григорьевич имел тесные связи с научным миром и с университетских времен сам, не прерываясь, занимался научной деятельностью.

Согласно выработанному Уставу институт включал четыре отделения, которые возглавляли деканы. В этом заключалось отличие института от других высших технических учебных заведений и приближало его к университетскому типу. Деканами стали крупные ученые А.С. Посников, М.А. Шателен, К.П. Боклевский и Н.А. Меншуткин.

Деканы вместе с директором организовали Совещание, которое по необходимости, вплоть до организации отделений, Правления и Совета, исполняло роль этих трех учреждений и

до утверждения Положения об институте проводило всю работу по его созданию.

Работа Совещания была очень разнообразна и чрезвычайно ответственна, поскольку зачастую приходилось решать вопросы, от которых зависело будущее института. Главным направлением деятельности Совещания было обеспечение учебного процесса в институте, для чего, прежде всего, надлежало пригласить профессоров и создать им возможно лучшие условия работы. Особое внимание при этом уделялось привлечению к работе ученых-практиков.

Не раз в институт назначались “опальные” профессора, и, хотя эти назначения не одобрялись, с ними мирились, если эти назначения были сделаны самим Витте. Однако вслед за приглашенным Витте А.С. Посниковым последовали новые приглашения, в частности, В.В. Скобельцына, Н.И. Кареева, И.М. Гревса, М.М. Ковалевского и Ю.С. Гамбарова. Такая политика князя Гагарина резко осуждалась в административных и придворных кругах. На него самыми разнообразными путями пытались оказать давление. Но А.Г. Гагарин всегда отстаивал свои взгляды и, не меняя направления своей деятельности, продолжал совместно с профессурой кропотливую и сложную работу по созданию высшей школы нового типа, в которой нуждалась страна, учреждения, в котором не только обучали, но и вели научную работу.

Открывая 29 ноября 1901 года первое заседание Совещания директора и деканов, “кн. Гагарин предложил прежде всего рассмотреть вопрос об обеспечении преподавания на I и II курсах института. Ввиду недостаточности содержания, положенного по штату профессорам, является крайне затруднительным приглашение профессоров по тем наукам, чтение которых связано с заведыванием лабораториями, так как оно требует много времени и потому не допускает совмещения должности профессора в другом учебном заведении” [8]. В итоге профессорам – заведующим лабораториями и деканам было установлено добавочное вознаграждение.

Одновременно с выбором профессоров Совещание занималось выработкой правил приема студентов.

Так, на заседании 18 декабря 1901 года “князь Гагарин сообщил, что им получен из Министерства запрос по поводу правил для приема в студенты высших технических школ лиц, окончивших средние учебные заведения, и что он желал бы знать мнение Совещания по этому вопросу.

Совещание пришло к заключению, что наиболее целесообразным представлялось бы дарование каждому высшему учебному

заведению права устанавливать свои правила приема, причем такие правила могли бы вырабатываться Советом, а затем утверждаться Министерством. Однако, если признано будет необходимым установить общие правила приема для всех высших технических школ, то было бы желательно принимать половину общего числа студентов по конкурсу аттестатов средних учебных заведений, вторую же половину по жребию” [9].

С самого начала своего существования институт пользовался такой свободой в области внутренней жизни и преподавания, какой не имели другие высшие учебные заведения России. Фактическая автономия института была тесно связана с личностью его первого директора. Так, например, были попытки отсрочить открытие института на неопределенное время, его пытались превратить в закрытое полувоенное учебное заведение с военной администрацией, как это было в привилегированных лицеях, принимать одних дворян и т. д. При этом правительственными кругами большие надежды возлагались на А.Г. Гагарина как на офицера гвардии и князя. Однако Андрей Григорьевич занял вполне независимую позицию, считаясь в отношении институтских дел только с мнением профессорской коллегии. Вместе с членами Совещания он возражал против всех подобных попыток и настаивал на предоставлении руководству института прав, которые позволили бы ему выполнять свои обязанности.

А.Г. Гагарину и в этой сложной ситуации удалось отстоять интересы института, его профессуры и студентов. Более того, по представлению Совещания, министр финансов согласился не назначать особого инспектора, а поручить заведование студентами одному из профессоров – В.В. Скобельцыну.

После утверждения деканов Совещание превратилось в Правление – высший распорядительный орган института, в состав которого входили под председательством директора деканы и профессор-заведующий студентами (сегодня эта должность соответствует должности проректора вуза по учебной работе). Особой заботой Правления была организация инспекции, выработка правил для студентов, правил о профессорском суде и устава общежития, утвержденных затем министром финансов.

Ниже приводится выдержка из правил для студентов Политехнического института, представляющая интерес и сегодня:

“1. Зачисленный в число студентов обязуется до начала лекций дать подписку о соблюдении правил, установленных для студентов Политехнического института...”

6. Студенты как в институте, так и вне его должны носить форму...

8. На лекциях не разрешается выражать одобрение или неодобрение профессорам и преподавателям...

10. Курение в особо отведенных местах...

15. Студенты обязаны поддерживать честь и достоинство института безукоризненным поведением как в институте, так и вне его.

16. Несоблюдение этого правила влечет к следующему: а) выговор; б) выговор с предупреждением; в) увольнение на срок; г) исключение.

17. Взыскания накладываются правлением института. Исключение представляется на утверждение Министру финансов.

В особо важных случаях, могущих повлечь за собою взыскание по пунктам в и г, Совет института назначает каждый раз особую комиссию из 3-х профессоров для расследования дела и доклада правлению” [10].

Члены Совещания принимали непосредственное участие в работе Строительной комиссии. Деятельность Совещания была направлена на создание учебно-вспомогательных учреждений: лабораторий, мастерских, музеев и библиотеки. Особое внимание было обращено на устройство Механического павильона с лабораториями. Так, на заседании 13 декабря 1901 года А.Г. Гагарин сообщил, что Строительная комиссия желала бы знать мнение Совещания относительно необходимости устройства при Механическом павильоне специальной аудитории на 80 человек. Проект постройки был представлен комиссии М.А. Шателеном. Совещание, обратив внимание на крайне малое число аудиторий в Главном здании и в Химическом корпусе, нашло постройку такой аудитории необходимой.

Самоотверженный труд основателей и строителей, пристальное внимание ко всем работам по созданию института его директора и председателя Особой строительной комиссии А.Г. Гагарина в значительной степени стали залогом того, что Политехнический институт был построен так удачно и в невероятно короткий даже по сегодняшним меркам срок – менее чем за 2,5 года.

За создание Санкт-Петербургского политехнического института А.Г. Гагарин 6 апреля 1903 года был награжден орденом Святого равноапостольного князя Владимира 4-й степени.

Политехнический институт стал одним из первых в России и первым в Петербурге институтским городком, построенным по типу Оксфорда и Кембриджа как автономный комплекс, в котором тщательно продуманы и прекрасно выполнены все системы его жизнеобеспечения. При строительстве зданий и оборудовании помещений были применены оригинальные конструкции и

технические новинки того времени, а насыщение зданий института коммуникационными и инженерными сетями велось по разработкам отечественных инженеров, и изготавливались они на санкт-петербургских заводах.

Основная часть институтского комплекса сложилась в 1900–1907 годы, в период, когда его директором был Андрей Григорьевич Гагарин. Из сохранившихся до сегодняшнего дня – Главное здание, Химический корпус, Механический корпус, Гидробашня, общежития (сейчас это I и II учебные корпуса); три жилых дома (I профессорский, в котором в директорской квартире из восьми комнат жил сам Андрей Григорьевич с семьей, II профессорский и жилой дом для служащих); здание амбулатории с аптекой, флигель кухни с прачечной и парк, в зеленом массиве которого находятся все эти здания. Большая часть зданий – это уникальные архитектурные сооружения, построенные по проектам архитектора Э.Ф. Вирриха в 1900–1905 годы. Высший технический надзор за исполнением работ осуществлял в те годы инспектор по художественной части академик архитектуры А.Н. Бенуа. Все здания представляют собой стройный архитектурный ансамбль, один из немногих, дошедших до нас в относительно неизменном виде; все его объекты являются бесценными источниками знаний по истории развития отечественной культуры, искусства, образования, науки и техники.

25 сентября 1902 года было освящено и открыто общежитие студентов. 1 октября состоялось торжественное открытие института, которое прошло чрезвычайно скромно, без всякой помпы. В Актовом зале собрались студенты, директор князь А.Г. Гагарин, деканы, профессора, приглашенные, среди которых были Э.Ф. Виррих, А.Н. Бенуа и Д.И. Менделеев. В нише, в тропической зелени, стоял портрет Николая II кисти И.Е. Репина. Настоятель Новосильцевской церкви в Лесном И.П. Рождественский совершил молебен. На территории института открылась телеграфная контора, откуда были посланы телеграммы царю и отсутствующим на открытии института С.Ю. Витте и В.И. Ковалевскому. В заключение в студенческой столовой, по отзыву одной из газет поражающей богатством сервировки, студентам был предложен праздничный обед.

Через день в Политехническом институте были прочитаны первые лекции. Перед их началом в актовом зале директор и деканы обратились к студентам с напутственными словами. Речь Андрея Григорьевича была очень короткой, но наполненной живыми, искренними чувствами.

Главное здание

Химический корпус

Механический корпус

Гидробашня

I и II общежития (ныне I и II учебные корпуса)

I профессорский дом

II профессорский дом

Дом для служащих

На всех отделениях института были и выдающиеся педагоги, и крупные ученые-исследователи. Блестящий состав профессоров и преподавателей, “привлекший внимание всей России, отобрал себе контингент первых приемов при помощи конкурса аттестатов среди лучших учеников гимназий, реальных училищ и коммерческих школ” [11]. Список учебных заведений, выпускникам которых разрешалось поступать в институт, был ограничен. Лица женского пола не принимались (такое право, да и то лишь на правах вольнослушательниц, им было предоставлено только в 1906 году). Прием по конкурсу аттестатов, учитывающий оценки, полученные поступающими в последних классах средних школ, давал то преимущество, что будущие студенты, не уставая на очередных вступительных экзаменах, могли с новыми силами приступать к учебе осенью.

В характере преподавания и оценке знаний в Петербургском политехническом институте были заведены иные порядки, чем в других вузах: по всем предметам, по которым не было проектирования или лабораторных работ, была развита система упражнений; отменены все экзамены, знания оценивались на основании результатов повседневной учебы. При малом количестве студентов, принимавшихся в первые годы, и малочисленности групп эта система давала блестящие результаты, хотя и требовала большой настойчивости директора, профессоров и самих студентов.

Высшим органом по научно-учебной части был Совет профессоров (из экстраординарных и ординарных профессоров под председательством директора института), который начал свою работу 16 сентября 1902 года.

Профессора, работавшие в те годы, пишут, что не только в России, но и вне ее не было другого высшего учебного заведения, где в такой степени, как в Совете Политехнического “института, царил бы дух беспартийности при отсутствии разномыслий, кроме как в сфере чисто академических вопросов” [12]. Примером для такой работы служили отношения деканов и директора института, между которыми никогда не замечали никаких трений.

Совет института принимал исключительные меры, чтобы повысить значимость таких предметов, которым студенты обычно уделяли мало внимания. Для этого приглашались высококвалифицированные специалисты: И.И. Яблонский, И.Г. Есьман, А.Н. Андреевский, В.Н. Дитрих, В.Л. Гофман и др. Об их привлечении больше всего хлопотал А.Г. Гагарин. Изучение иностранных языков Андрей Григорьевич выделял особо. Их знание открывало перед студентами широкие возможности познания новейших достижений

в области науки и техники, поэтому, чтобы привлечь внимание студентов к их изучению, князь, специалист в области прикладной механики, сам взялся за преподавание английского языка.

“Чисто научным трудом в большом масштабе А.Г., – вспоминала вдова Андрея Григорьевича Мария Дмитриевна, – не успевал заниматься, но тем не менее каждый свободный час он употреблял на свое любимое дело: проектирование тех или других деталей различных механических приборов, переводы технических статей, занятия в Международном Обществе испытания материалов, участия на конгрессе этого общества в Стокгольме, Будапеште, Брюсселе и т. д.” [13].

“Князь был высокообразованным артиллеристом... - писал в своих воспоминаниях Е.А. Вечорин. - По всему своему складу ума, наклонностям и вкусу это был прирожденный мечтатель-изобретатель. Не будь он назначен директором института, он продолжал бы работать по своей специальности и оставил бы по себе несомненный научный след” [14].

Из журналов заседаний отделений, которые систематически проводились с весны 1902 года, видно, какой широкий спектр вопросов по организации учебного процесса рассматривался на них. В их числе: распределение преподавания разных предметов между предлагаемыми на эту должность профессорами (преподавателями), о приеме студентов и разделении их на группы для упражнений, об участии профессоров, преподавателей, лаборантов в обеспечении учебного процесса, об оплате их работы, о студенческой успеваемости, практике, экскурсиях на заводы, о выписке книг в фундаментальную библиотеку, о сметах и введении новых должностей для обеспечения учебного процесса, о заграничных командировках подходящих лиц для пригласения их к званию профессоров института и многое другое.

Так, к примеру, 7 октября 1902 года профессор Н.С. Курнаков высказал пожелание, чтобы при институте была учреждена самостоятельная фотографическая лаборатория для преподавания фотографии в применении к технике.

19 декабря 1902 года постановлено просить профессоров и преподавателей сообщать деканам факультетов об особенно успевающих студентах для ходатайства о денежной им помощи в случае их бедности.

24 апреля 1903 года князь Гагарин возбудил вопрос об устройстве экскурсий для студентов технических отделений на Орудийный завод.

По предложению профессора И.В. Мещерского, сообщившего о принесении князем А.Г. Гагариным в дар кабинету механики линейки для вычерчивания дуги круга произвольного радиуса, сочленения этой линейки и лекала, с вырезанными на нем дугами круга, постановлено ходатайствовать перед Советом института о выражении благодарности князю А.Г. Гагарину.

24 октября 1903 года рассматривался вопрос об организации летних практических занятий на заводах (практики).

12 ноября 1903 года профессор В.В. Скобельцын сообщил, что группа студентов, человек 40, обратилась к нему с просьбой об организации преподавания фотографии в виде необязательного курса.

Князь Гагарин предложил ассигновать сумму на приобретение зуборезного станка системы Swasey, который очень желательно иметь как поучительный пример, уничтожающий надобность в вычерчивании зубьев при нарезании колес.

7 апреля 1904 года обсуждался вопрос об инструкции для летних практических занятий студентов. Князь Гагарин сообщил Собранию, что им составлена примерная программа по производству бельвилловских котлов. Профессор С.И. Дружинин поставил на обсуждение следующий вопрос: не найдет ли возможным Собрание войти через министра финансов с предложением услуг по испытанию материалов в лабораториях института в Главное управление торгового мореплавания и портов, которое в подобных испытаниях нуждается, но пока своих испытательных станций не имеет.

15 февраля 1906 года профессор М.А. Шателен “запрашивает Собрание, признает ли оно возможным заботиться и теперь, несмотря на ненормальное положение вещей, о подыскании практики для студентов и выдаче пособий на таковую” [15]. Собрание единогласно признало желательной летнюю практику и постановило выдавать недостаточным студентам пособие.

10/13 мая 1906 года князь А.Г. Гагарин ставил вопрос о пересмотре списка учебных заведений, окончание которых дает их воспитанникам право быть допущенными к приему в институт.

В научно-педагогической работе, которая велась в институте, имелось много черт, свойственных и другим высшим учебным заведениям, но были налицо и серьезные отличия. С первого же года в Политехникуме «начала складываться новая обстановка и новая психология: студенты, действительно, представляли собою “студенчество”, работавшее совместно с “профессурой” как составная часть научного “общения”. Она являлась благотворной для обеих сторон – и для профессуры, и для студенчества. Несомненно, ей обязан преподавательский персонал высоким напряжением и своей собственной ученой работой.

...Нельзя не отметить и другой характерной для института черты в постановке преподавания, а именно: возможно большего сближения науки и реальной жизни» [16].

Как в любом учебном заведении, в новом институте складывались свои традиции. В Политехникуме эти традиции сложились под влиянием светлой личности князя Гагарина и при дружественном сотрудничестве профессуры и студенчества.

По воспоминаниям всех знавших А.Г. Гагарина, он был прекрасным директором и пользовался всеобщим уважением и любовью. С.Ю. Витте, назначив князя, “угадал главное – что у него было великое, доброе сердце. Князь весь излучал доброту; от него веяло благожелательностью... В основе управления институтом были эти два чувства, и они были сильнее всякого регламента и, если хотите, всего рационального” [17]. И преподаватели, и студенты понимали, чем был Андрей Григорьевич для института, но главная его забота о студентах «сказалась при политических арестах, когда он пускал в ход свои родственные связи с директором департамента полиции и лично брал арестованных студентов крайне левых партий “на поруки”» [18].

Общее революционное настроение, конечно же, не могло обойти институт стороной, и вскоре после открытия в нем появилось воззвание к студентам. Однако 12 декабря А.Г. Гагарин доложил министру финансов С.Ю. Витте, что “в настоящее время в институте нет достаточной почвы для революционной пропаганды. Гласное расследование признано членами Правления, безусловно, нежелательным и может служить лишь распространению идей, с которыми мы призваны бороться” [19].

23 марта 1903 года А.Г. Гагарин вновь докладывал министру финансов: “течение академической жизни вверенного мне института до настоящего времени ничем и ни в малейшей степени не нарушено” [20].

В этот период в полной мере проявились все высокие качества А.Г. Гагарина и как человека, и как ученого, и как администратора. Ничто не могло заставить его изменить своему институту и своим студентам, о благе которых он неизменно заботился, видя в них будущее России.

С первых шагов своей деятельности и на протяжении всех лет работы в институте А.Г. Гагарин делал все возможное и невозможное, чтобы оградить его от нападков и произвола властей. Вполне естественно, что его постоянная борьба за защиту академической самостоятельности высшей школы не могла не восстановить против него всю реакционную часть правительства, которая к тому

же была недовольна подбором профессуры и преподавателей в Политехническом институте.

В состав профессуры, вспоминали политехники, «входили лица различных политических взглядов, – и это различие, на почве общего культурно-прогрессивного миросозерцания, нисколько не мешало дружной работе. В ней прекрасно сочетались такие “народники”, как покойный А.С. Посников, и непримиримый враг народничества П.Б. Струве. Среда наша требовала лишь одного условия – искренности убеждений. Мы, действительно, представляли собою единый научно-педагогический фронт» [21]. “Институтская администрация, в лице директора и деканов, никогда не ставила нам в вину наши политические убеждения и даже принадлежность к крайним политическим партиям. Полная терпимость к мнениям и убеждениям вошла в традицию института со дня его основания и была введена в принцип нашим первым директором, князем Гагариным, память о котором священна для всех питомцев института моего времени.

Встречаясь и обмениваясь мнениями со студентами других технических отделений, мы видели, что наряду с изучаемыми нами проблемами существуют также и другие, столь же важные и интересные, как и наши, и старались по мере возможности знакомиться с ними...

Экономическое отделение давало нам, техникам, возможность прикоснуться к знаниям совсем другой категории. Беседуя с экономистами и посещая иногда их лекции, мы приходили постепенно к выводу, что одна техника недостаточна для разрешения задач, которые может поставить перед нами жизнь. Мы начинали понимать, что нам также было бы полезно знать хоть немного то, что изучают экономисты, т. е. юридические науки, политическую экономию, социологию и пр.

Такой вывод был большим шагом вперед в развитии нашего политического, общественного и культурного самосознания” [22].

Совместная и, первое время, обязательная жизнь в общежитиях сильно сплотила студенчество. Сословный, общественный и национальный состав студентов был довольно пестрый, но с первых же лет жизни между студентами установились отношения, основанные на взаимном уважении и принципе равенства. Мало-помалу выработался неписанный кодекс поведения и чести студентов-политехников. В студенческом самоуправлении, в Совете старост, в Кассе взаимопомощи, в Столовой комиссии приобретались навыки общественной и политической работы.

В эти бурные для России годы жизнь в институте не могла протекать безмятежно. Общественные и политические условия

волновали и профессоров, и студентов. Студенты выражали свое мнение путем участия в демонстрациях, митингах, сходках; профессора — принятием различных резолюций, печатанием протестов, заявлений и т. п. Ко всем негативным проявлениям общественного мнения правительство применяло всевозможные репрессии и полицейские меры. Особенно это касалось высших школ. Министр финансов В.Н. Коковцев напрямую обвинил А.Г. Гагарина в бездействии. В связи с этим 5 ноября 1904 года он собрал членов Совета в институте. Результат этого совещания был прямо противоположный тому, на что рассчитывал министр. От лица Совета выступил профессор И.И. Иванюков, который сказал: “Князь А.Г. Гагарин пользуется любовью и глубоким уважением как преподавателей, так и студентов... Члены Совета глубоко признательны нашему Председателю за его целесообразный, тактичный образ действий, за то, что он как в данном случае, так и в других никогда не вызывал в массе потери душевного равновесия, не вызывал ее на эксцессы...” [23]. Коковцев был вынужден согласиться с доводами Совета и больше о бездействии Гагарина не говорил. Более того, спустя год он договорился с градоначальником И.А. Фуллоном, чтобы в институте не производили обыски, и разрешил Гагарину, если обыск все же по недоразумению состоится, от его имени объявить полиции, что ей запрещено входить на территорию института.

Первое волнение, действительно испытанное институтом, было 29 ноября 1904 года. «Вспоминаются мне, — писал А.А. Стахович, в прошлом студент экономического отделения, — конец 1904 и начало 1905 гг. Русское студенчество волновалось. Политические события дня обсуждались на бесконечных сходках. На Невском 29 ноября происходили студенческие демонстрации, были раненые, шли разговоры об убитых и арестах. 5 декабря то же было в Москве, на Тверской. Жуткий день 9 января... Выяснилась необходимость производства обысков в высших учебных заведениях. Администрация последних и советы профессоров были в тяжелом положении, будучи вынуждены подчиняться требованиям полиции, что в глазах студентов было действием предосудительным, едва ли не изменническим. Всюду намечался обычный в революционные эпохи раскол между массой и “начальством”. Директора и ректоры высших учебных заведений, потерявшие авторитет в глазах студенчества, всячески избегали появляться перед студентами. Нередки были случаи оскорблений. Было, однако, по всей России одно исключение. Директор С.-Петербургского политехнического института кн. Гагарин, не сделав ни одной существенной уступки студентам, лично

присутствуя при обысках в зданиях института, не потерял ничего из своей поразительной популярности. Этот удивительный человек, со слабым мягким голосом, с такими чудными добрыми глазами и чарующей улыбкой, едва 3-й год стоявший на совершенно новом для него посту, умел делать то с волнующейся молодой стихией, что не давалось ни одному другому из имеющих куда больший педагогический опыт. Каждый раз, когда он выходил к студентам, он умел их уговорить, успокоить, его встречали и провожали сердечными бурными аплодисментами, почти каждый раз на руках выносили в переднюю...

Политехники боготворили “своего князя”, верили и подчинялись только ему одному. Чем же объяснялась популярность и сила этого человека? Честная молодежь инстинктом чувствовала родственное, горячее, правдивое и вечно молодое сердце. Сердце, умевшее любить, верившее в молодежь, в идеалы красоты, добра и правды. Таким именно был князь тогда, таким был, говорят, в молодые годы, таким знали его все до конца его дней. Труженик, любивший науку, сознающий ее значение, верящий в будущее Великой России, призывавший к работе, знанию и любви к родине, этот, по мнению нас — студентов той эпохи, идеальный человек, не произносил демагогических речей; он говорил лишь святую жизненную правду, и сердце молодежи чувствовало эту правду, верило своему князю и подчинялось дорогому начальнику» [24].

«И теперь только, на расстоянии многих лет, — пишет Е.А. Вечорин, — поняли мы поведение князя в волнительные “Гапоновские” дни января 1905 года. 9 января на Полицейском мосту убит был шальной пулей студент института Савинкин... Хоронили его на Охтинском кладбище. И за гробом, покрытым красными венками и красными лентами, при пении “Мы жертвою пали в борьбе роковой”, с поникшей головой шел наш князь, один, отделенный от массы студентов. Тогда мы не отдавали себе отчета всего величия его жертвенного жеста, его, монархиста, следовавшего с революционной толпой за гробом убитого революционера. Только одно объяснение возможно — что он своей грудью хотел защитить “своих” студентов от возможных насилий: нагаек, сабель, а то и пуль полиции» [25].

Похороны Савинкина происходили в дни рождественских каникул, в институте оставалось не более 50 студентов, не имевших возможности куда-либо уехать. Занятия должны были возобновиться 15 января. Совет института, понимавший, что в такое время нельзя собирать вместе большое количество возбужденной революционными событиями молодежи, принял решение продлить

каникулы на месяц. К сожалению, этот дальновидный поступок Совета не был понят властями, и профессура института прослыла за забастовщиков и революционеров. Вместе с тем, в других вузах, где занятия начались вовремя, был настоящий хаос, и сами студенты объявили всеобщую забастовку до осени. Политехнический институт смог избежать студенческих беспорядков за отсутствием студентов в его общежитиях. Совет своим постановлением от 7–8 февраля решил не возобновлять занятий до осени 1905 года. В постановлении, в частности, повторялось то, что было высказано еще 30 ноября 1904 года: “студенческие волнения вызываются причинами, лежащими вне академической жизни, ... в С.-Петербурге безопасность и даже жизнь студентов не может считаться вполне обеспеченной” [26]. Кроме того, Совет постановил выработать временные изменения учебных планов и способы их выполнения, чтобы студенты возможно менее пострадали бы от вынужденной приостановки в занятиях.

Однако и это решение Совета было понято превратно. Повсеместно распространялось мнение, “что профессора бастуют, что им надо прекратить выдачу жалованья...” [27].

Но вернемся на несколько дней назад.

25 января 1905 года генерал-майор Д.Ф. Трепов призвал к себе директоров высших учебных заведений с просьбой указать способ скорейшего возобновления занятий. Так было положено начало Совещаниям директоров вузов. На этом совещании А.Г. Гагарин с достоинством представлял свой институт. Его речь убедила Трепова в необходимости предоставить высшей школе относительную свободу, и осенью 1905 года, перед началом занятий, он исходатайствовал у Государя Императора частичную автономию высшей школе, а именно, автономию на территории высших учебных заведений (которая до этого фактически была только у Политехнического института).

Таким образом, благодаря революции 1905 года и отчасти бесстрашному поведению директора Политехнического института, высшая школа получила так называемую “автономию”, в результате чего был облегчен доступ в высшие школы. Прием студентов в Политехнический был увеличен почти в три раза, что неминуемо должно было сказаться на качестве обучения, вследствие чего под руководством А.Г. Гагарина, единогласно избранного на должность директора, были пересмотрены учебные планы, программы, правила прохождения курсов и т. д. Эта работа закончилась введением в институте “предметной системы”, позволившей студентам заканчивать обучение, несмотря на значительные вынужденные перерывы.

К сожалению, политическая обстановка в стране продолжала накаляться, во всех высших учебных заведениях проходили митинги, и 14 октября институтом было получено приказание о его закрытии. Совет во главе со своим председателем, отказавшись выполнить приказ, послал министру финансов свое постановление с объяснением причин, по которым нельзя было этого делать. Все это привело к тому, что 16 октября институт был окружен войсками и его директору был дан короткий срок, чтобы выселить студентов из общежитий и закрыть институт.

Манифест Николая II от 17 октября помешал закрытию института, и “Советом было положено начать занятия с 1 ноября 1905 года, если будет гарантировано неприменение военной силы против занимающихся” [28]. Однако гарантий и отмены постановления о запрещении учебных занятий не последовало, и студенты стали разъезжаться.

В отсутствие студентов в институте шла напряженная научная и учебно-методическая работа. Был разработан переход курсовой системы к предметной, что помогло студентам наверстать упущенное время и позволило институту произвести первые выпуски в 1907 году. Кроме того, это время оказалось очень плодотворным для научно-исследовательской деятельности, и в “Известиях Политехнического института” было опубликовано много научных трудов. “Даже я, директор, – пишет А.Г. Гагарин, – нашел время сделать небольшое исследование об ударе, которое весной сообщил в техническом кружке института, а осенью на Международном конгрессе в Брюсселе по испытанию материалов” [29].

Занятия в институте возобновились только с осени 1906 года.

В 1906 году А.Г. Гагарин считал для себя необходимым сдать экзамен на получение звания адъюнкта и 21 февраля обратился в соединенное Собрание технических отделений с прошением о назначении ему экзамена на получение звания адъюнкта по механической технологии как главному предмету и математике как второстепенному.

Собрание постановило просить профессоров В.Л. Кирпичева, И.И. Иванова, М.И. Носача и В.И. Станевича рассмотреть представленные труды князя А.Г. Гагарина, а именно 17 наименований работ и четыре изобретения, и дать свой отзыв о них Соединенному собранию технических отделений.

24 апреля 1906 года профессор В.Л. Кирпичев доложил протокол заседания комиссии, которая, рассмотрев печатные труды и другие работы князя Гагарина, пришла к следующим заключениям:

“Труды эти показывают, что несомненно князь Гагарин владеет математическими методами и с успехом применяет их к решению технических вопросов. Поэтому нет никакой надобности подвергать его экзамену из математики.

Работы князя Гагарина из области прикладной механики и механической технологии свидетельствуют не только о его отличных знаниях в этих областях, но также о том, что он искусный конструктор, придумавший и построивший остроумные и оригинальные приборы и машины. Из числа их крешерный пресс получил распространение и применяется в нескольких наших учреждениях, занимающихся испытанием строительных материалов. За этот пресс князь Гагарин на Всероссийской выставке 1896 г. (в Нижнем Новгороде) удостоен золотой медали. Достоинства приборов князя Гагарина оценены не только в России, но и за границей, и ему присуждены награды на международных выставках в Чикаго (1893 г.) и в Париже (1900 г.).

Принимая во внимание все вышеизложенное, комиссия признала, что согласно с пунктом 13-м Положения об институте, надлежит освободить князя Гагарина от испытания, как лицо, приобретшее известность своими практическими работами и научными трудами, и постановила ходатайствовать об этом перед Собранием отделений” [30].

При обсуждении доклада комиссии Ф.Э. Драйвер предлагал освободить князя А.Г. Гагарина как от экзамена, так и от представления диссертации и присудить ему степень адъюнкта *nonoris causa*; А.П. Фан-дер-Флит отметил, что изобретение таких великолепных точных и детально разработанных приборов, как крешерный пресс, может быть поставлено наравне с солидной диссертацией; В.Л. Кирпичев сообщил, что, по имеющимся у него частным сведениям, князь А.Г. Гагарин и наметил в качестве диссертации описание крешерного пресса и рычага на шариках.

При последовавшем затем голосовании Соединенное собрание единогласно постановило освободить князя А.Г. Гагарина от экзамена. По вопросу о диссертации собрание, согласно предложению комиссии, избрало для подготовки вопроса новую комиссию в составе В.Л. Кирпичева, М.И. Носача, С.И. Дружинина, А.П. Фан-дер-Флита, А.Н. Крылова, Н.Н. Саввина и И.Н. Воскресенского. В итоге было решено в следующем собрании провести баллотировку предложения комиссии. М.А. Шателен, напомнив собранию, что по правилам от адъюнктов требуется и прочтение пробной лекции, предложил в следующем собрании решить баллотировкой и этот вопрос.

5 декабря 1906 года председатель профессор Ф.Ю. Левинсон-Лессинг прочел письмо князя А.Г. Гагарина, в котором последний просил, ввиду результатов баллотировки, состоявшейся на заседании 29 ноября, допустить его к публичной защите диссертации на степень адъюнкта по механической технологии. В качестве диссертации к защите представлялась машина для испытания материалов.

К сожалению, при рассмотрении вопроса перевесило мнение, с которым выступили профессора И.В. Мещерский и В.В. Скобельцын. Оно заключалось в том, что прибор сам по себе не может быть представлен в качестве диссертации и что князь Гагарин должен представить печатную или рукописную работу, в которой было бы описание и рассуждение по поводу изобретенной им машины. Поэтому было постановлено отложить этот вопрос до представления князем Гагариным в Соединенное собрание технических отделений печатного или рукописного рассуждения.

К этому времени, осенью 1906 года, А.Г. Гагарин был вторично единогласно избран на пост директора. Для себя же Андрей Григорьевич уже определил, что уйдет с поста директора в июне 1907 года одновременно с первым выпуском экономистов.

Между тем жизнь в первом семестре шла обычным чередом. В студенческих общежитиях устраивались вечеринки с присутствием посторонних, иногда произносились политические речи. Директор разрешал эти вечеринки, считая, “что в студенческой среде, как в паровой машине, необходимо иногда открывать клапаны и выпускать пар, иначе машину взорвет” [31]. При этом все формальности всегда соблюдались. Казалось, что академическая жизнь вошла в свою колею.

Однако полиция была убеждена, что Политехнический — это революционное гнездо, и против института была организована особенно яростная атака. Вначале это были потоки полицейских донесений о “студенческих беспорядках”, но вскоре произошли прямые столкновения с полицией. Все это время А.Г. Гагарин как мог успокаивал, а когда было надо, и защищал своих питомцев, используя свои связи и авторитет. Где только не было, по слухам, обысков. “Только в Технологическом институте ничего не нашли. Говорят, Охранному отделению был сделан выговор с предупреждением, что, если они сделают обыск в другом высшем учебном заведении и ничего не найдут, все будут уволены без прошений. В течение целой зимы производились грандиозные обыски, причем в институтах Путей сообщения и Электротехническом были найдены в большом количестве взрывчатые вещества и арестованы и

привлечены к ответственности студенты этих институтов (Финк и др.). Поэтому по простой теории вероятности у нас обыска ожидали, старые революционные брошюры рвали, новых давно не покупали, надоели. Главное — занимались” [32]. Наконец дошла очередь и до Политехнического, и в феврале 1907 года против него был предпринят настоящий поход, в котором участвовали и пехота, и артиллерия, и кавалерия, и казаки, и городовые.

В ходе обыска из окна общежития было выброшено, как впоследствии выяснилось — провокатором, несколько предметов, названные полицией оболочками от бомб; указанные предметы оказались в комнате, где находился этот человек, не имевший никакого отношения к институту. В I общежитии были найдены несколько бутафорских, как считает А.Г. Гагарин, ружей, подброшенных полицией, а на чердаке несколько новых маузеровских ружей, оболочка от бомбы и ряд предметов, названных полицией взрывчатыми, которые были прикрыты тряпками.

К сожалению, на этот раз заступничество князя не возымело действия, поскольку решение, видимо, было уже принято заранее. Результатом обыска было высочайшее повеление об увольнении А.Г. Гагарина со службы и предании его вместе с деканами суду. Пакет с распоряжением был получен Гагариным во время заседания Совета института.

Ниже приводится часть текста протокола заседания Совета № 3 от 28 февраля 1907 года, последнего, председателем на котором был князь А.Г. Гагарин.

«Рассматривались вопросы: о лаборантах, о приеме вольнослушателей, имеющихся теперь, в число студентов, о необязательности занятий по геодезии, о замене на ряде отделений летней практики на заводах, в связи с отказами от оной на заводах, групповыми экскурсиями под руководством профессора и преподавателя и о невозможности замены такой практики, как плавание, на кораблестроительном отделении.

Председатель князь А.Г. Гагарин ставит на обсуждение вопрос о правилах приема в число студентов института осенью в 1907 году.

Профессор М.А. Шателен просит у Председателя вне очереди слово и, прочитав только что принесенную курьером на имя директора князя А.Г. Гагарина бумагу от министра торговли и промышленности об увольнении по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению князя А.Г. Гагарина от должности директора, сказал:

“Глубокоуважаемый князь А.Г. Гагарин во все время своего пребывания директором был с нами солидарен, всегда выражал наше общее мнение и взгляды и теперь понес незаслуженную и

несправедливую кару. Я думаю, что выражу мнения всех, если скажу, что мы вполне одобряем действия князя А.Г. Гагарина и считаем их правильными”.

Члены Собрания долго не смолкавшими аплодисментами подтвердили только что сказанное.

Заседание закрыто» [33].

А.Г. Гагарин передал председательство старейшему профессору и покинул зал заседаний. Совет тотчас же принял постановление, выражавшее сочувствие Гагарину, протест против его увольнения, и на основании Положения об институте вновь единогласно избрал его директором. Однако протест, адресованный министру, вызвал только выговор с его стороны, и увольнение осталось в силе.

На заседании Совета института 5 марта 1907 года профессором И.И. Иванюковым было выдвинуто предложение об избрании А.Г. Гагарина Почетным членом института. В протоколе заседания записано: “Князь А.Г. Гагарин со времени основания института и по день увольнения его от службы отдавал институту все свои силы, все свои помыслы и всей душой он заботился о его процветании. В этом своем стремлении он всегда являлся истинным представителем коллегиальной автономии, действуя, как исполнитель мысли и воли Совета и Правления. Направленная на благо института неутомимая деятельность князя А.Г. Гагарина, благородство его побуждений и сердечное отношение к учащейся молодежи не могли не вызвать глубокого уважения и признательности к нему как преподавательского персонала, так и студентов. Ввиду заслуг князя А.Г. Гагарина перед институтом, имею честь предложить Совету избрать его Почетным членом С.-Петербургского политехнического института” [34]. На следующем заседании Совета института 21 марта 1907 года А.Г. Гагарин был единогласно избран Почетным членом Санкт-Петербургского политехнического института.

Совещание директоров высших учебных заведений после ознакомления со всеми событиями, произошедшими в Политехническом институте, выразило А.Г. Гагарину свое сочувствие. К заключению Совещания, “что никаких существенных отличий в общих приемах управления между Политехническим институтом и остальными высшими школами не существует, ... происшедшее в С.-Петербургском политехническом институте может случиться и в другом высшем учебном заведении” [35], присоединились и Советы высших учебных заведений России. Они чрезвычайно уважительно относились к всегдашней готовности А.Г. Гагарина “защищать ту микроскопическую долю... автономности, которая завоевана в

последние годы для высших учебных заведений” [36], и считали, что в “увольнении без суда и следствия общество видит... неуважение к самым элементарным требованиям права и справедливости” [37].

Чрезвычайно бурно реагировали на увольнение А.Г. Гагарина студенты. “Характерно, что все имевшиеся в институте партии, как характера революционного, так и чрезвычайно умеренного, сошлись на резолюции не признавать происшедшего увольнения и продолжать считать князя своим единственным законным директором” [38].

Сохранились тексты двух адресов, преподнесенные Андрею Григорьевичу студентами. “Вас, отдавшего все силы на служение институту, – говорилось в первом адресе от 6 марта 1907 года, подписанном более 900 студентами, – правительство передает суду, но кроме этого суда, казенного, есть и другой суд – суд общественного мнения, и этот суд уже вынес свой приговор, но не над обвиняемым, а над обвинителем...” [39].

Суд, состоявшийся спустя два года, вынес решение, по которому А.Г. Гагарин “за бездействие властям” приговаривался к увольнению со службы с запрещением в течение трех лет поступать на государственную и общественную службу. В адресе, переданном А.Г. Гагарину после суда в апреле 1909 года и подписанном 2 тысячами студентов, говорилось, в частности: “По условиям политического момента Вы оказались бы правы в глазах суда лишь в том случае, если бы предпочли в свое время, путем рекомендованных мер, избавиться от тяжелой личной ответственности и подвергнуть роковым последствиям, быть может, целые сотни студентов. Вы избрали иной путь. Вы не уклонились от удара и пострадали сами, загородив собою ВАШИХ студентов. Общественное мнение и будущий историк академической жизни правильно оценят Ваш выбор. Мы же... просим Вас верить, что долго политехники будут Вас вспоминать и любить СВОЕГО князя” [40].

После увольнения А.Г. Гагарина с поста директора власти ликвидировали студенческие общежития, что вызвало полную перемену в жизни института, однако прошедшие со дня основания института годы не прошли бесследно. Результаты трудов А.Г. Гагарина, деканов и профессоров института были совершенно очевидны. “Уже через год или полтора после первого выпуска стали поступать в Политехнический институт с разных сторон запросы с просьбой рекомендовать молодых людей из бывших студентов, ибо окончившие курс наук оказались столь блестящими на работе, что всем хотелось заполучить к себе прошедших ту же школу” [41].

Андрей Григорьевич после отстранения с поста директора целиком посвятил свое время научной работе по испытанию материалов. В 1911 году А.Г. Гагарин стал одним из организаторов Русского общества испытания материалов. Он сконструировал ряд приборов, станков и приспособлений, которые применялись в производстве стройматериалов, сделал ряд докладов в русских и иностранных технических обществах и на международных конгрессах.

В 1911 году Андрей Григорьевич откупил у Новосильцева на берегу реки Шелони деревню Холомки (сегодня это Порховский район Псковской области). Проект усадебного дома был заказан архитектору Ивану Фомину, который использовал классические традиции Кваренги, Старова и Львова. В 1912 году проект был исполнен. 29 июня того же года под руководством князя и при участии трех его сыновей с помощью крестьянина-подрядчика приступили к работам, и в октябре следующего года огромный дом был уже готов.

Начавшаяся в 1914 году первая мировая война фактически помешала его владельцам обустроить свою жизнь в этом доме, так как княгиня устроила в части дома лазарет, который содержался на личные средства А.Г. Гагарина. В 1918 году дом был национализирован. В его стенах в разные годы размещались Народный дом искусств, санаторий для больных туберкулезом, дом отдыха. В настоящее время усадьба, построенная Андреем Григорьевичем Гагариным для своей семьи, принадлежит Санкт-Петербургскому государственному политехническому университету. По решению Ученого совета она теперь называется Учебно-историческим заповедником “Холомки”.

В мае 1913 года А.Г. Гагарин представил к защите в Политехнический институт работу “Приборы, дающие зависимость между усилиями и деформациями во время удара”. Темой для нее, как написано в докладе комиссии, назначенной кораблестроительным отделением для рассмотрения диссертации, он выбрал «еще более сложную и трудную задачу, чем та, которая так блестяще разрешена его прессом. Диссертация, вместо вопросов статистического сопротивления, занята задачей о динамическом сопротивлении, о действии удара, об ударной пробе материалов... Мы имеем основания надеяться, что когда князь Гагарин окончательно выработает свой прибор для динамической пробы, то этот прибор — назовем его “Копер князя Гагарина” — получит не только для заводов, но и для научных работ, и для преподавания в высших учебных заведениях такое же значение, как и пресс князя Гагарина» [42].

Блестяще, в торжественной обстановке защитив диссертацию, Андрей Григорьевич Гагарин получил звание адъюнкта

прикладной механики. Это звание, аналогичное степени доктора технических наук, давало ему право на занятие профессорской кафедры, однако А.Г. Гагарин предпочел отказаться от работы в институте, который он сам создал и который, в значительной степени благодаря его усилиям, стал признанным храмом науки.

Политехники первых лет всегда вспоминали о своем институте с теплым чувством. “Всех объединяло служение большому делу и все отдавали ему всю душу свою” [43] и те, «кто имели счастье жить совместно в этот первый “весенний” период нашего института, никогда не забудут его и всю жизнь свою будут вспоминать эти годы как самые яркие, содержательные и ценные» [44].

Первый директор Санкт-Петербургского политехнического института князь Андрей Григорьевич Гагарин до конца своей жизни служил Родине и жил интересами науки. Во время первой мировой войны он вновь был на военной службе и в качестве постоянного члена Технического артиллерийского комитета заведовал отделом оптики; поскольку эта область механики не была ему ранее знакома, он тотчас же принялся за ее изучение и “задался целью поднять в России производство оптических стекол, ввоз которых из-за границы был тогда по случаю войны затруднен, а потребность в них для военных целей все увеличивалась. Для этого ему удалось оборудовать небольшой оптический завод, находившийся на Выборгской стороне, преобразовать для этой цели Императорский хрустальный завод под Петербургом и основать специальный завод оптических стекол в городе Изюме Харьковской губернии, куда он сам неоднократно ездил.

Кроме того, в 1916 году А.Г. был назначен правительственным инспектором деятельности Путиловского завода” [45], снабжавшего артиллерию своими изделиями. Некоторое время вместе с академиком А.Н. Крыловым он был во главе управления заводом и прилагал все силы, чтобы максимально повысить его производительность.

С 1918 года, после создания в Москве Научно-экспериментального института при Комиссариате путей сообщения, А.Г. Гагарин работал в нем старшим конструктором “по проектированию оборудования для лаборатории института и для других надобностей Комиссариата путей сообщения” [46], в том числе делал проекты ротационного копра и других машин. Жизнь Андрея Григорьевича в эти годы была очень тяжелой и “в нравственном и физическом отношениях, главным образом удручала его вынужденная разлука с семьей, которая находилась в деревне” [47] и испытывала все невзгоды, выпавшие на долю людей этого круга. Наконец в

1920 году Андрей Григорьевич решился на крайнее средство — обратился в Совет Народных Комиссаров с ходатайством о разрешении ему проживать вместе с семьей в своем бывшем имении, приезжая в Москву для сдачи проектов. Такое разрешение за подписью В. Ульянова (Ленина) им было получено, и с этим, как Андрей Григорьевич его называл, “талисманом” Гагарин вернулся к семье в Холомки.

Осенью 1920 года в Вольшеве, недалеко от Холомков, открылся Псковский сельскохозяйственный техникум, и Андрей Григорьевич получил приглашение читать там лекции по математике и физике. Он и за это дело принялся со свойственным ему азартом и “ввиду отсутствия учебников составил для своих учеников рукописное руководство по физике (о теплоте). Кроме того, он в это же время для коммунального отдела Порховского Исполкома работал над проектом кирпичного формовочного прессы. Это и новое техническое изобретение, основанное на принципе его круговой линейки и долженствовавшее иметь громадное практическое значение, поглощали все последние месяцы его жизни” [48].

Связи с родным институтом А.Г. Гагарин не порывал до конца жизни. В архиве сохранилось письмо, написанное им в Политехнический институт за три месяца до кончины, в котором он просит выслать ему справку о том, что “состоит адъюнктом механики и математики в Петроградском политехникуме” [49].

Андрей Григорьевич Гагарин умер 22 декабря 1920 года в возрасте 65 лет. Его похоронили на старинном погосте Бельское Устье на Псковщине, в 150 метрах от храма Вознесения, недалеко от его усадьбы в Холомках. На надгробной плите была выбита надпись: “Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят”.

В некрологе “Светлой памяти князя А.Г. Гагарина” А.А. Стахович, выражая мнение всех лично знавших А.Г. Гагарина, написал необыкновенные, проникающие прямо в душу слова: “... умер человек исключительный, едва ли не единственный среди мне известных людей.

Не думаю, чтобы пришлось еще когда-либо встретить человека, на него похожего; человека, в котором Божья искра добра чувствовалась бы так сильно, в котором она была бы заложена не как у всех нас глубоко, почти неосязаемо и недостижимо глубоко; нет, в нем она была совсем, совсем близко, у него она светилась в глазах, слышалась в голосе, проявлялась в каждом жесте и действии. Человек с редким сердцем; человек удивительной доступности и чарующей простоты; умеющий заставить других, далеких ему по натуре людей задуматься, понять значение этих качеств, зачаровывающий

ими не только своих собеседников, воздействующий ими на человеческие массы.

Горько, невыразимо горько, что не стало этого хорошего, чистого, столь нужного будущей России, человека. Его доброе сердце не выдержало ужаса общего страдания, унижения родины и торжества зла и невежества...” [50].

2 апреля 1921 года Советом Политехнического института было послано письмо вдове Андрея Григорьевича Марии Дмитриевне Гагариной с такими словами: “Андрею Григорьевичу принадлежит первое место среди тех лиц, которые создали институт и в ближайшие годы руководили его жизнью; вся деятельность Андрея Григорьевича за это время была проникнута горячей любовью к институту и беззаветной преданностью его интересам.

Имя Андрея Григорьевича неразрывно связано с Петроградским политехническим институтом, и память о нем будет храниться в институте с уважением и признательностью.

Ввиду заслуг покойного перед институтом, Совет постановил поместить его портрет в Зале заседаний” [51].

Политехнический институт воистину стал подлинным памятником Андрею Григорьевичу.

Не произошли в нашей стране те катаклизмы, которые имели в ней место на протяжении всего XX столетия, “Политехнический институт приобрел бы, – писал бывший студент кораблестроительного отделения М.М. Филоненко (и все мы, политехники разных времен, присоединяемся к его мнению), – в России и в мире не меньшее значение, чем Оксфордский и Кембриджский университеты, дающие не только знания, но и формирующие характеры, навыки будущих политических деятелей, вершащих судьбы Британской империи” [52].

Сегодня Политехническому более 100 лет. И столько же прошло со дня назначения Андрея Григорьевича Гагарина директором создававшегося тогда в Санкт-Петербурге Политехнического института. За эти годы институт подготовил великое множество инженеров, крупных ученых, производственников, деятелей культуры. Он не раз менял свое название, пока не получил своего сегодняшнего, не совсем привычного для политехников всего мира – Санкт-Петербургский государственный политехнический университет. Но память о его основателе и первом директоре Андрее Григорьевиче Гагарине жива и бережно поддерживается, ибо его неутомимая деятельность, направленная на благо института, благородство его побуждений, сердечное отношение к студентам и заслуги перед институтом значительны и неоспоримы.

Основные научные труды

Гагарин А.Г. Удобнейший способ предварительных вычислений солнечных затмений и подобных явлений с предвычислением полного затмения 1887 г.: Дис. канд. наук. СПб.: Петерб. ун-т, 1879.

Гагарин А.Г. Приборы, дающие зависимость между усилиями и деформациями во время удара: Дис. адъюнкта СПб. Политехнического института Императора Петра Великого. СПб., 1912.

Gagarin A. Systemes Articules assurant le mouvement rectiligne ou le curbure circulaire // Comptes Rendus. Paris, [1880].

Гагарин А.Г. О некоторых сочленениях (Первые точные круговые линейки, точное прямолинейное движение, трисектор угла, симметрограф). СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1880. 6 с.: черт.

Гагарин А.Г. Наивыгоднейшая нарезка (с политажем) // Арт. журн. 1885. № 2. С. 73–82.

Gagarin A. Etude theorique sur un roulement a billes. Paris, [1889].

Гагарин А.Г. Таблица перевода русских линейных мер во французские и наоборот. Шательро. Франция [1895]. Фр.

Круговая линейка князя Гагарина. СПб.: Тип. Э. Арнгольда, 1900. 36 с.: табл.

Гагарин А.Г. О Новый динамометр. Предел упругости как измеритель усилий // Изв. С.-Петербург. политехн. ин-та. 1905. Т. IV, вып. 1-2. С. 3–4.

Гагарин А.Г. Новый прибор, определяющий зависимость между напряжениями и деформациями во время удара // Там же. Вып. 3–4. С. 143–150: 6 рис.

[*Гагарин А.Г.*] История Санкт-Петербургского политехнического института, составленная князем А.Г. Гагариным в апреле 1907 года, ввиду привлечения к уголовной ответственности по статье № 341, за бездействие власти: директора, деканов, профессора – заведующего студентами и его помощника по делам общежития // Науч.-техн. ведомости СПбГТУ. 1999. № 1–4: ил. (Подлинник): ЦГИА СПб., ф. 25, оп. 1, д. 5864.

Гагарин А.Г. Автографическая запись зависимости между усилиями и деформациями во время удара // Тр. Рус. общ-ва испыт. материалов в Москве. 1912 г. М., 1913. Т. 2.

Основные изобретения

Гагарин А.Г. Крешерный пресс – прибор для механического испытания твердости материалов. (Золотые медали на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде в 1896 г. и в Чикаго в 1906 г.)

Гагарин А.Г. Круговая линейка с нониусом и таблицей, дающая дуги радиусов и радиусы дуг больших кругов. (Золотая медаль на Всемирной выставке в Париже. 1900 г.)

Гагарин А.Г. Электрическое приспособление для автоматического уравновешивания усилий для разрывной машины Мора и Федергадра.

Гагарин А.Г. Диаграммный прибор для крутильной машины.